

УДК 81'342.42

ФОНЕТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СОГЛАСНЫХ В ИСКОННО КЫРГЫЗСКИХ КОРНЕВЫХ СЛОВАХ

Усупова Э.К.

Кыргызско-турецкий университет Манас, Бишкек, e-mail: eusupova2017@gmail.com

В данной работе затрагивается фонетический аспект исконно кыргызской лексики в сравнении с материалами близких и дальних родственных языков, которые составляют алтайскую языковую семью. Несмотря на то, что изучение алтаистики ведется уже более двух веков и проделана огромная работа, посвященная исследованиям алтайских языков, в числе тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских, вопрос генетического родства указанной языковой семьи остается открытым до сих пор. Наличие большого количества лексических параллелей в этих языках, по мнению исследователей-востоковедов, не является достаточно убедительным научным аргументом. В связи с этим требуется разрешение многих вопросов на разных языковых уровнях, как фонетика, морфология, синтаксис, лексика, для доказательства генетического родства указанных языков. Особо выделяется фонетическое развитие и пополнение согласных звукового составляющего в совместной лексике, так как отражает близость и схожесть произошедших изменений в родственных языках. Бытует мнение, что на ранней стадии праязыка алтайского периода употреблялись глухие и некоторые сонанты. В процессе развития и усложнения системы согласных звуков происходило озвончение некоторых звуков во всех позициях в слове и включение новых единиц, за счет которых пополнялся и увеличивался звуковой строй языка. Совокупность характерных фонетических изменений согласных наряду с семантическими составляющими в лексических соответствиях кыргызского языка в сравнении с совместной лексикой алтайской языковой семьи, в какой-то мере является подтверждением их генетического родства.

Ключевые слова: алтайские языки, фонетика, кыргызское языкознание, исконная лексика, тюркские языки, монгольские языки

THE PHONETIC DEVELOPMENT OF CONSONANTS IN ORIGINAL KYRGYZ ROOT WORDS

Usupova E.K.

Kyrgyz-Turkish Manas University, Bishkek, e-mail: eusupova2017@gmail.com

This paper touches upon the phonetic aspect of Kyrgyz vocabulary in comparison with the materials of related languages that make up the Altai language family. Despite the century and a half of work that has been done in this field, and to the study of Altaic languages such as, Turkic, Mongolian and Tungus-Manchu, the genetic relationships between them is unclear. There are many lexical parallels in these languages, however, this is not sufficient evidence to prove the relationships conclusively. In order to resolve many questions in phonetics, morphology, syntax, and vocabulary, is required to prove their genetic relationship. The phonetic development and increasing diversity of the sound component of the common vocabulary stands out, as it reflects the closeness and similarity of the changes in related languages. There is a perception that at the early stage of the Altaic period, there were only two types of sound silent and voiced. In the process of development and complication of the system of consonant sounds, some sounds were voiced in all positions in the word and the inclusion of new units, due to which the sound structure of the language was replenished and increased. The combination of characteristic phonetic changes of consonants, along with the semantic components in the lexical similarities among the Altaic languages, is to some extent a confirmation of their genetic relationship.

Keywords: Altaic languages, phonetics, Kyrgyz linguistics, primordial vocabulary, Turkic languages, Mongolian languages

Фонетическое составляющее исконно кыргызской лексики на протяжении исторического развития языка является одним из малоизученных вопросов современного кыргызского языкознания. Каждая лексема кыргызского языка носит отпечатки прошлых событий и отражает особенности разных исторических периодов. Происхождение исконной лексики кыргызского языка не является однородным. Сюда входит совместно употребляемая лексика языками близкородственными и дальнеродственными. Основной целью данного исследования является определение фонетических закономерностей изменений согласных исконной лексики, которая составляет ядро

кыргызского лексикона в сравнении с материалами тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Указанные языки, составляющие алтайскую языковую семью, в последнее время на арене мировой науки известны под названием трансевразийских языков [1, с. 7].

Всемирно известные исследователи в этой области, Г.И. Рамstedт, Н. Поппе, Г. Дерфер, В. Шотт, И.В. Кормушин, А.М. Щербак, Ж. Клоусон, В. Котвич, Н.А. Баскаков и многие другие, посвятили большое количество научных трудов изучению алтайских языков с целью выяснения родственных отношений внутри данной языковой семьи. Мнения ученых расходи-

лись, так как одна группа утверждала генетическое родство между этими языками, другая же группа категорически отрицала существование каких-либо родственных отношений в алтайской языковой семье из-за недостаточных научных обоснований [2, с. 59–61].

Существование лексических параллелей в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках подтверждает, что совместный слой лексики алтайских языков относится к глубокой древности. По одной из версий ответвление родственных языков от проалтайской общности происходит в VI веке до нашей эры [3, с. 234]. За огромный отрезок времени в алтайских языках наблюдались колоссальные изменения на разных уровнях языка, таких как фонетика, лексика, морфология и т.д.

По мнению ученых-алтаистов, в проалтайском языке, в отличие от современных преобладали корневые односложные и двусложные слова [2, с. 61]. По нашим подсчетам, в перечне более пятиста общих корневых лексических параллелей киргизского с другими алтайскими языками около 87% составляющих относятся к односложным и двусложным. А незначительное количество слов, оставшихся в списке, имеет более двух слогов.

Бытует мнение, что на ранней стадии праязыка алтайского периода употреблялись глухие /п, т, с, ч, к, к/ и некоторые сонанты /р, л, м, н/. В процессе развития и усложнения системы согласных звуков происходило озвончение некоторых звуков во всех позициях в слове и включение новых единиц, за счет которых пополнялся и увеличивался звуковой строй языка [4, с. 9].

Есть определенные наблюдения касательно переднеязычных согласных алтайских языков по отношению к киргизскому. Переднеязычные согласные /с/, /ш/, /ч/, /ц/ варьируются друг в друга: сүлүк «пиявка» (кырг.)~ сүлик (тат., каз., ккалп., ног.)~ сүлүк (осм., азер., түркм., кып.)~ шүлүк (ойр.)~ челүк «вид червя, пиявка» (др. тюрк.)~ силикте «глист, червь» (нег.), чөбөгө «осадок при вытопке масла» (кырг.)~ чөб «грязь» (п.монг., калм.), сүб (бур.), цөв «осадок, отстой при топлении масла» (монг.)~ чупа «гуща, осадок, каша» (тунг.); шагыл «щепень», шагыра- «звенеть, греметь» (кырг.)~ жахара «галька» (манч.), жахар (нан.).

Такая же картина наблюдается и в переднеязычных-взрывных /т/ и /д/, которые легко взаимопереходят друг в друга. По мнению ученых, в этой паре согласных глухой /т/ является первичным, от которого впоследствии развился звонкий /д/ [4, с. 68]: ант «клятва» (кырг.); анд/ ант «клят-

ва» (др. тюрк.)~ анд/ анда «друг, товарищ» (монг.)~ анда «друг, товарищ» (манч.). балта «топор» (кырг.); балду/ балту «топор» (др. тюрк.)~ балт(а) «секира, топор» (монг.); деңиз «море» (кырг.); теңиз «море» (др. тюрк.)~ тенгес «море, озеро» (монг.). Этому озвончению первичного /т/ на /д/ можно найти огромное количество примеров в лексиконе киргизского в сравнении с материалами древнетюркского периода: күндүз «днем» (кырг.)~ күнтүз/ күндүз «днем» (др. тюрк.); де – «говорить» (кырг.)~ те – «говорить, сказать» (др. тюрк.); доңуз «свинья, кабан» (кырг.)~ тоңуз «свинья, кабан» (др. тюрк.).

Довольно интересным представляется двойное фонетическое употребление /т/ и /д/ одновременно в современном киргизском и в древнетюркском языках: темейде/ демейде «обычно», дөшү/ төшү «наковальня», дөбө 1/ төбө «холм, вершина, макушка», добуш/ доош/ табыш 1/ тобуш/ тоош «звук, голос» (кырг.); кутур-/ кудур- «выйти из нормы, беситься, буйно расти», тал 1/ дал «ива, тальник», тиз/ диз «колени», үд/ үт «узкое отверстие» (др. тюрк.).

Свойство глухого /т/ в интервокальной и исходной позиции корневого слова озвончаться в /д/ в дальнейшем продолжается переходом в согласных вторичного плана по схеме д > з > й в алтайских языках, где переднеязычные-взрывные изменяются на переднеязычные-щелевые: сыйыр-/ сыйры-/ сыдыр – «сдирать, снимать» (кырг.); сызыр – «сдирать, снимать» (др. тюрк.)~ сидур – «стирать, скрести, скоблить» (п.монг.)~ сиди-/ сиду- «соскабливать» (эвенк., манч.); кайың «береза», казын/ қайың «береза» (др. тюрк.)~ хадн/ кадуң «береза» (калм., п.монг.); уй «корова» (кырг.); уд/ уз «корова» (др. тюрк.)~ удус «дикий як, буйвол» (п.монг.); удул «благоприятный момент», уйкаш «рифма, складно рифмоваться» (кырг.)~ уд-/ уз-/ ут-/ уз- «следовать» (др. тюрк.); кийин «после, сзади» (кырг.)~ кед/ кет «конец, зад» (др. тюрк.). Немаловажно отметить, что подобное явление находит продолжение в следующем примере современного киргизского: күй-/ күт- «ждать, ожидать, поджидать, подстергать» (кырг.)~ күд-/ күз-/ күс-/ күт- «беречь, стеречь, пасти, ожидать» (др. тюрк.).

Переднеязычный звук /с-/ в начальной позиции древнетюркского языка в современном киргизском переходит в свой звонкий эквивалент, а в некоторых случаях сохраняет свое начальное фонетическое обличие: зың эт – «издать звон» (кырг.)~ сиң эт- «звенеть, жужжать» (др. тюрк.); заң «помёт, кал», саңырысы- «вонять»

(кырг.); саң «птичий помёт» (др. тюрк.)~ саңгасу(н) «птичий помёт» (п.монг.)~ санан «птичий помёт» (нег.). Кроме этого имеются фонетические соответствия первичного и производного с~ з во всех позициях слова в современном кыргызском языке: тос~ тоз- «преграждать путь», топоз~ топоз «як», ызгы~ ыксы- «быстро вертеться, вращаться с визгом, быстро мчатся, метаться», көзөм~ көсөм «козел-вожак, вожак, умудренный опытом» и т.д.

На некоторые фонетические соответствия в начале слова, такие как й~ ж~ с~ н~ д, свойственные алтайским родственным языкам, первым обращает внимание финский ученый Г.И. Рамстедт [1, с. 2]. В случае с кыргызским языком начальный /ж/, являясь отличительной чертой кыргызского, соответствует /й/, /ч/, /с/, /н/ в родственных языках. Из этих звуков /н/ в начальной позиции встречается в языках монгольских и тунгусо-маньчжурских, остальные считаются характерными согласными для тюркских языков. По поводу первичности звуков в указанном соответствии мнения ученых разделяются на два лагеря. Первая группа ученых во главе с В.В. Радловым, включая В.А. Богородицкого, Б.А. Серебренникова, Н.З. Гаджиеву, Э.Р. Тенишева, придерживается мнения, что в этой звуковой цепочке /й/ является изначальным звуком. А вторая группа ученых, куда входят Г.И. Рамстедт, Н.Н. Поппе, К.Г. Менгес, С.Е. Малов, А.М. Щербак, А.Н. Бернштам, Н.А. Баскаков, Ф.А. Абдуллаев, считает, что /й/ не является первичным, а происходит от общеалтайского звука /d/. По подсчетам Тенишева звук /й/ в разных позициях слова встречается в 26, /ж/ в 14, /с/ в 9 среди живых и мертвых тюркских языков. Такое распределение звука /й/ по языкам дает ученому основание говорить об архетипе указанного звука [5, с. 256–275]. Например: жалбырак «лист» (кырг.); йалбыргак/йапырғак «лист, лепесток» (др. тюрк.)~ набучин/ набша «лист» (п.монг., бур.); желе «привязь для жеребят» (кырг.)~ йеле (тат., башк.)~ челе (тув.)~ селе (якут.)~ йалы «tayları bağlamak için kullanılan ip» (кып.); жото «голень» (кырг.)~ чода (хак., тув.)~ йодо (ойр.)~ сото (якут.)~ йота (уйг.); жошо «красная глина» (кырг.)~ йоша (тур.)~ йоза (ойр.)~ сохо (якут.).

Переднеязычный щелевой согласный /ч/ в анлауте является одним из древних звуков, что подтверждается на материалах алтайских языков: чалкы – «широко раскинуться, распростереться», чалкылда – «бултыхаться»~ чалги – «расплескивать, переливаться через край» (п.монг.)~ чилка – «разливаться, расплескиваться» (нан.). Однако не все началь-

ные /ч/ кыргызского языка имеют древнее происхождение, некоторые из них являются вторичными от других переднеязычных согласных как /с, ш, ж/: чеч «бельмо в глазу» (кырг.)~ шашы «косоглазие» (кып.); чүпүрөк «тряпка, лохмотья» (кырг.)~ чүпүрәк (тат.)~ сепрәк (башк.)~ шүберек (ккалп., ног.)~ чеберек, чибирик (ойр.)~ жүбрек/ чүпрек «elbise, hırka» (кып.); чычкан «мышь» (кырг.)~ сычған «мышь» (др. тюрк.).

Фонетические соответствия ж~ ч~ с в начальном положении употребляются параллельно в современном кыргызском языке, объяснением чему можно считать непринужденный переход переднеязычного /ч/ в другие переднеязычные /с/ и /ж/: жылчык/ чылчык «щель», чымчуур/ жымжуур/ сымчуур «плоскогубцы»; жарп/ чарп «тоска»; жөргөк «пелена, пеленки ребенка» (диал.кырг.), чөргө-/ чүргө- «завертывать, пеленать».

Один из древних глухих согласных /ш/ кыргызского языка в некоторых примерах сохраняется, иногда же переходит в /с/, /ч/ на лексических параллелях в родственных языках: шырык «тонкая молодая ёлочка, жердь» (кырг.); сырук «шест, жердь» (др. тюрк.)~ шураг «шест, жердь» (монг.); шиш «зуб, вертел, острый колышек, шампур» (кырг.); шими- «сосать» (кырг.); сөмүр- «глотать» (др. тюрк.)~ шиме- «сосать» (калм.)~ шиме- «сосать» (манч.); ышкын «ревень» (кырг.)~ ышгун «ревень» (др. тюрк.), ускун «чеснок» (др. тюрк.).

Фонетические соответствия ш~ с и ш~ ч в разных позициях слова имеют весьма активное употребление в современном кыргызском языке, что подтверждается довольно большим количеством примеров: сыпыр-/ шыпыр- «мести пол», торсун/ торшун «потолочная балка», сөлпүй-/ сөлпөй-/ шөлпөй-/ шөлпүй- «болтаться, иметь уродливый вид», сыйкы «повидимому»/ шыйк/ шыйкы «облик»; капшыт/ капчыт «боковая сторона юрты»; шык/ чык «тиканье, шелканье»; шуштуй-/ чучтуй-/ чуштуй- «быть вытянутым»; чүштө/ чүсте/ чүчтө «белый батист»; чаңкай/ шаңкай «чистый, ясный».

Такое фонетическое явление, как «ламбдаизм» и «сигматизм», указывает на совместную характерную черту родственных алтайских языков [1, с. 2]. Данное явление хорошо отражает переходы переднеязычных согласных между собой, поскольку оба согласных ш~ л относятся к переднеязычным звукам. В монгольском и тунгусо-маньчжурских языках, родственных тюркским, указанный переход встречается в положении середины и конца слова. Ниже приводятся примеры, которые ясно показывают

соответствие ш~ л в родственных языках по отношению друг к другу: мышык/ пишек «кошка», мыш 1/ пыш «брысь» (кырг.); муш «кошка» (др. тюрк.)~ малур «дикий кот» (п.монг.)~ малахи «степная кошка» (манч.); кашык «ложка» (кырг.), кашык/ кашук «ложка» (др. тюрк.)~ халбага «ложка» (монг.); төш «грудь» (кырг.), төш «грудь» (др. тюрк.)~ дөли/ дел «плоская поверхность» (ж. монг.)~ тулу «грудь у лошади» (манч.).

Фонетическое явление, «ротацизм» и «зетацизм» характерное для алтайских языков, было впервые отмечено учеными В. Шотт, Г.И. Рамstedт (1, с. 2). Оно отражает переходы переднеязычных р~ з между собой. То, что тюркский согласный /з/ в конце и середине слова соответствует /р/ в чувашском, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, показывают нижеследующие примеры: боз «серый» (кырг.); боз «серый» (др. тюрк.)~ боро/ бор «серый, коричневый» (монг.); каз- «копать» (кырг.), каз-/ казы- «копать, рыть, выкапывать» (др. тюрк.)~ кару-/ хар- «скрести, строгать, сгребать» (п.монг., калм.); уз «мастер» (кырг.), ус 2/ уз «искусный» (др. тюрк.)~ уран «мастер» (монг.); комуз «комуз, трехструнный музыкальный инструмент» (кырг.); кобуз «комуз, музыкальный инструмент» (др. тюрк.)~ хуур «скрипка» (монг.).

В редких случаях явление ротацизма и зетацизма наблюдается на материалах современного кыргызского языка, где видно параллельное употребление согласных /р/ и /з/: куткар-/ кутказ- «избавлять, спасать, выручать» (кырг.), аткар-/ атказ- «сажать на лошадь, отправлять, исполнять» (кырг.), тыз кой- «мчаться», дыр «быстро, кратковременно» (кырг.), билерик/ билездик «браслет» (кырг.), торо- «преграждать» и тос-/ тоз- «преграждать, встречать» (кырг.).

Из билабиальных глухих, употреблявшихся в древнем общеалтайском языке, согласный /п/, особенно в начальной позиции слова, по мнению М. Рясенена, почти утрачен во всех тюркских языках, кроме северо-восточных (паш «голова» (хак., шор.) [5, с. 179–182]. Действительно, в современной кыргызской исконной лексике не встречаются подобные примеры, кроме одного случая, мышык/ пишек «кошка» (кырг.), так как во всех остальных случаях начальный /п/ переходит в звонкий /б/: бакан «шест, дубина, дубинка» (кырг.)~ багана «опорный стержень» (монг.)~ бакса «подпорка, центральный столб» (нан.); бер – «давать» (кырг.)~ бер-/ вер- «давать» (др. тюрк.).

Нижеследующие примеры дают картину изменения /п/ в интервокальной пози-

ции родственных языков: иногда в виде п> б, в некоторых случаях еще и в виде п> б> в, где замыкает звуковую цепочку губно-зубный /в/ из вторичного согласного /б/ [6, с. 61]: кебез «хлопок» (кырг.)~ кепаз «хлопок» (др. тюрк.); төбөл/ дөбөл «верхушка» (кырг.); төпү «темя, макушка, голова, вершина» (др. тюрк.)~ тев «центр» (монг.). Однако современный кыргызский в некоторых случаях допускает фонетическое соответствие п~ б в середине слова, сохраняя первичный /п/ наряду с вторичным согласным: сымбат/ сымпат «стройность, статность, поведение», дөбө/ төбө/ төпө «макушка», шыба-/ сыйпа-/ сийпа- «мазать». Следующие примеры современного кыргызского языка отражают стойкое сохранение первичного /п/ в интервокальной позиции вопреки влиянию соседних гласных: сапыр- «веять» (кырг.)~ савур-/ савур- «развеивать, рассыпать» (др. тюрк.).

Конечный /п/ в односложных корневых словах проявляет стойкость в ряде родственных тюркских языков [5, с. 181], включая современный кыргызский: өп- «целовать» (кырг.)~ өп-/ өв- «целовать» (др. тюрк.); сеп- «сеять», серме-/ серп- «махать» (кырг.)~ сеп- «сеять» (кып.); кап/ каптама «мешок, обложка» (кырг.), кап «сосуд, мешок» (др. тюрк.)~ хавтас «обложка» (монг.).

Лабильный согласный /п/ древнетюркского в разных позициях слова может переходить в носовой /м/ в современном кыргызском языке: мамык «пух» (кырг.)~ памук «хлопок» (др. тюрк.); төмөн «вниз» (кырг.)~ төпүн «вниз» (др. тюрк.). Однако в следующих примерах отражено одновременное употребление фонетических соответствий п~ м в кыргызском языке: чөлмөк 3/ чөлпөк «ночная игра, где забрасывают и отыскивают мяч».

Согласный /б/ не встречается в конечной позиции слова в кыргызском языке [7, с. 37], хотя науке известно, что /б/ употреблялся в конце слова в древнетюркском языке, эб «дом», аб «охота». Конечный /б/ древнетюркского переходит в другие фонетические единицы в современном кыргызском. В первом слове эб «дом» /-б/ переходит в сонорный /й/, во втором примере меняется фонетическое составляющее слова на долгий гласный посредством дифтонгизации: уу «охота, охота с сетями на птиц» (кырг.); аб/ ав «охота» (др. тюрк.)~ аба «охота» (п.монг., бур.)~ ва- «убивать» (манч., нан., эвенк.); үй «дом», эпчи/ ыпча «женская половина в доме» (кырг.)~ эб/ эв/ үй/ үв «дом, жилище» (др. тюрк.), сүй- «любить» (кырг.), себ-/ сев- «любить» (др. тюрк.)~ себки- «отдыхать, освежаться, расслабляться» (п.монг.)~ себжен/ себжени «веселье»

(манч., нан.). В интервокальной позиции сохранение лабиального /б/ тоже сложно, следовательно, как видно из примеров, указанный согласный переходит либо в /й/, либо сохраняет слабый /б/ на письме, произносящийся как /в/: күбө 1/ күйө «моль» (кырг.); күйә «моль» (др. тюрк.)~ кибен «моль» (бур.); суйук «жидкий» (кырг.)~ сувук/ сувук «жидкий» (др. тюрк.); сыйдам «гладкий, ровный» (кырг.)~ сувлаң «гладкий» (др. тюрк.); сүйрү «продолговатый, конусообразный» (кырг.)~ сүврә «острый» (др. тюрк.).

Губные согласные, особенно в интервокальной позиции, могут легко меняться друг с другом, что находит подтверждение на материалах языков родственных и междиалектных внутриязыковых: кабыш- «соединяться» (кырг.)~ кабыш-/ кавыш-/ кавуш- «объединяться, соединяться, сходиться» (др. тюрк.); аба/ ава «дядя» (кырг.); аба «прародитель, предки» (др. тюрк.)~ ав/ ава «отец» (монг., ж. монг.)~ апа/ папа «дедушка, дядя, старший брат» (нег., нан.); кабырга «часть туши от ребер до ляжек» (кырг.)~ хавирга(н) «ребро» (монг.); көбүргөн «лук горный» (кырг.)~ күмүргән/ күвүргән «горный лук» (др. тюрк.), миң «тысяча» (кырг.); бин/ бын/ миң «тысяча» (др. тюрк.)~ минган «тысяча» (монг.); мойун «шея» (кырг.); бойун/ бойун «шея» (др. тюрк.)~ моңон «шея» (эвенк., нан.), моңгон (манч.). Даже внутри кыргызского языка губные могут употребляться в разных фонетических вариантах [8, с. 48]: мокой/ мокочо/ бо-кочо «бука, чудище» (кырг.)~ могу/ могой «змея» (монг.); берт / мерт «вывих», бертин-/ мертин- «вывихнуться» (кырг.); берт «увечья и раны» (др. тюрк.)~ берте- «пораниться» (монг.).

В ряде древних глухих согласных находится еще задненебный /к/, который в некоторых позициях подвергается изменению, переходя от взрывных к щелевым звукам, либо от глухих к звонким в родственных языках: дагы «опять, еще» (кырг.); тагы «еще» (др. тюрк.)~ дахин «опять, еще» (монг.); кан «кровь» (кырг.); қан «кровь» (др. тюрк.)~ хана- «кровоточить» (монг.); кабы- «стегать» (кырг.)~ хавах- «стегать» (монг.); кака- «подавиться, поперхнуться» (кырг.)~ хахах- «подавиться, поперхнуться» (монг.); кереге «решетка юрты» (кырг.); керекү/ керәгү «шатер, юрта» (др. тюрк.)~ гер «юрта, дом» (монг., бур., калм.)~ гербе- «заготавливать жерди для остова юрты» (эвенк., бур., калм.).

В древнетюркском языке встречается звонкий /г/, который в современном кыргызском сохраняет древний глухой /к/:

жоктоо «поминальная песня, оплакивание умершего» (кырг.)~ йог «поминальный обряд» (др. тюрк.); каткыр- «хохотать», каткы «хохот» (кырг.)~ катгур-/ катур- «хохотать, заливаться, закатываться смехом» (др. тюрк.); кык «овечий помет, навоз» (кырг.)~ кыг «навоз» (др. тюрк.); кумурска «муравей» (кырг.)~ кумурсга «муравей» (др. тюрк.); чычкан «мышь» (кырг.)~ сычған «мышь» (др. тюрк.); уук «унина, жердь купола юрты» (кырг.); уғ «дугообразно согнутые палки деревянного остова кибитки» (др. тюрк.)~ уни(н) «жердь поддерживающая верхний круг юрты» (п.монг.).

Задненебный /г/ в интервокальной и конечной позиции слова подвергается разным изменениям, иногда переходит в /й, w/, в некоторых случаях через дифтонг меняется на долгий гласный: кийир – «вести, внести, ввезти, включить» (кырг.)~ кигүр- «вводить, вносить, доставлять» (др. тюрк.); ый «плачь» (кырг.); йыгы «плач» (др. тюрк.)~ уйлах – «плакать» (монг.).

В нижеследующих примерах даются фонетические соответствия н~ н, которые встречаются в монгольских, тунгусо-маньчжурских, древнетюркских и кыргызском языках: эң- «наклониться, опуститься» (кырг.)~ эн- «спускаться, сходиться» (др. тюрк.); эңсе «задняя часть шеи, верхняя перекладина дверного косяка юрты» (кырг.)~ эңсе (тур.)~ эңсе (каз., ккалп., кум., ног.); жүн «шерсть» (кырг.); йүн «шерсть, пух, перо птицы, хлопок» (др. тюрк.)~ нуңкасу/ ноос «шерсть, пух» (монг., калм.)~ нуңгари «шерсть, пух» (манч.).

Заключение

Фонетические явления, связанные с согласными исконно кыргызской и родственной лексики, являются важным составляющим, показывающим ход исторического развития языка. Похожие изменения согласных в языках, где вторичные звуки пополняют фонетическую структуру языка, нося отпечатки исторических периодов, и указывают на родственные отношения между этими языками. Наличие идентичных первичных и вторичных согласных подтверждает формирование элементов древнего и позднего периода в родственных языках. Выявление изменений звукового порядка в кыргызских корневых словах в сравнении с материалами тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков поможет разрешить спорные вопросы исторической фонетики, лексикологии кыргызского языкознания и родства алтайской языковой семьи.

Список литературы

1. Yılmaz E. İki Binli Yılların Başında Altay Dilleri Araştırmaları: Çalışmalar, Yöntemler, Eğilimler. *Turkic Linguistics and Philology*. 2018. № 1/1. P. 1–15.
2. Жумалиев С. Хроно-топологическая стратификация эпоса «Манас». Б.: Издательство при КУУ, 2015. 207 с.
3. Starostin S.A., Dybo V.A., Mudrak O.A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden-Boston: Brill. Elektronik format: The Tower of Babel (An Etymological Database Project). 2003. [Electronic resource]. URL: https://www.bulgari-istoria-2010.com/Rechnici/etymological_dictionary_of_altaic_languages.pdf (date of access: 27.06.2019).
4. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М.: Наука, 2006. 910 с.
5. Тенишев Э.Р. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: Наука, 1984. 489 с.
6. Бажак С. Фонетические аспекты лексических параллелей кыргызского, тюркского и монгольского языков: тюркские языки: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.06. Бишкек, 2015. 433 с.
7. Современный кыргызский язык: фонетика, лексикология, морфология, синтаксис. Б.: V.R.S., 2015. 518 с.
8. Современный кыргызский литературный язык: фонетика, лексикология, лексикография, фразеология, морфология, синтаксис, стилистика, лингвопоэтика. Б.: Аврасия Яйынжылык, 2009. 928 с.